Страх разоблачения: городские легенды о французском коварстве и советском стыде

Александра Сергеевна Архипова [1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия
[2] Российская экономическая школа, Москва, Россия

Анна Андреевна Кирзюк [1]

✉ kirzuk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Россия

Для цитирования статьи:
Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2020). Страх разоблачения: городские легенды о французском коварстве и советском стыде. *Фольклор и антропология города*, *III*(1–2), 38–58. DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-38-58.

Согласно советскому городскому фольклору, в конце 1950-х годов известный французский актер или певец (Ив Монтан, Жерар Филип или Ален Делон), посетив СССР, был так шокирован фасонами и качеством советского нижнего белья, что накупил образцов, привез его в Париж и устроил там выставку, чтобы дать своим знакомым посмеяться над убогостью советской моды. Появление и популярность этой легенды объясняются специфически советским «страхом стыда», который советские люди испытывали, оказываясь под взглядом иностранца. Хотя вся система иностранного туризма была направлена на контроль за взглядом иностранца, страх, что этот взгляд выйдет из-под контроля и увидит в советской действительности нечто неприглядное и постыдное, не покидал ни идеологических работников, ни рядовых советских граждан. Городская легенда о французской выставке советского белья артикулировала этот страх.

Ключевые слова: городская легенда, воображаемая выставка, советское белье, артикуляция страха, советский страх стыда

Работа выполнена в рамках НИР РАНХиГС «Фольклорные идеологии и поведенческие стратегии в современном городе».

The fear of being exposed: Urban legends about French villainy and Soviet shame

Alexandra S. Arkhipova [1], [2]

✉ alexandra.arkhipova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
[2] New Economic School, Moscow, Russia

Anna A. Kirzyuk [1]

✉ kirzuk@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8853-0003

[1] Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

To cite this article:
Arkhipova, A., Kirziuk, A. (2020). The fear of being exposed: Urban legends about French villainy and Soviet shame. *Urban Folklore & Anthropology*, *III*(1–2), 38–58. (In Russian). DOI: 10.22394/26583895-2020-3-1-2-38-58.

According to the Soviet urban folklore, in the late 1950s some famous French singer or movie actor, either Yves Montand or Gérard Philipe or Alain Delon (the details vary depending on the speaker) was so shocked by Soviet underwear that he bought it in large quantities and exposed this private collection in Paris. The French celebrity allegedly did it to make his friends laugh at the misery of Soviet fashion and Soviet women's lack of elegance. In the paper, the emergence of this legend is explained by some specific Soviet fears, particularly, by the "fear of shame" that Soviet people felt when finding themselves, finding themselves in front of the eyes of a foreigner. Although the whole system of foreign tourism in the USSR was designed to control foreigners' view and make Soviet people feel proud of their country, there was a fear that a foreigner would see something shameful and miserable in Soviet reality. The legend about the French exhibition of Soviet underwear articulated this fear.

Keywords: urban legend, imaginary exhibition, Soviet underwear, articulation of fear, Soviet fear of shame

Приходит француженка в ГУМ и просит показать бюстгальтеры.
– А какой у Вас размер?
– У меня? Нулевой.
– У нас таких нет. У нас такие прыщи зеленкой смазывают.
Приходит советская женщина во французский магазин и просит продать бюстгальтер.
– А какой у Вас размер, мадам?
– У меня? Наверное, шестой или восьмой.
– Мадам, мы парашюты не продаем[1].

Исследовательница советского нижнего белья Ольга Гурова в начале третьей главы своей книги пишет, что почти от каждого своего респондента она слышала историю о популярном французском певце и актере Иве Монтане (иногда — о не менее популярном актере Жераре Филипе), который во время своих гастролей в СССР купил множество предметов

[1] Советский анекдот 1960-х годов.

советского нижнего белья, а затем устроил из них выставку в «Комеди Франсез». «Среди экспонатов были бюстгальтеры больших размеров, широкие панталоны длиной до колен и хлопчатобумажные чулки» [Гурова 2008: 77]. Ольга Гурова задается вопросом, почему советское нижнее белье произвело на французского актера такое сильное впечатление, и сама же на него отвечает: «Потому что советское нижнее белье выглядело для него [Ива Монтана или Жерара Филипа] чужим и комичным. Если француженка или американка верили, что, покупая нижнее белье, они приобретают красоту и совершенство, то ожидаемыми от советского белья качествами были тепло, гигиеничность и практичность. Следствием такого подхода была нерыночная эстетика советского белья, непривычного для глаз западного человека» [Там же: 77].

Рассуждения исследовательницы о реакции французского актера на советское белье хотя и интересны, но немного наивны. Дело в том, что ни Жерар Филип, ни Ив Монтан не закупали в ГУМе советское белье и никакой выставки в Париже не устраивали. Выставка не упоминается ни в каких французских источниках — ни в прессе 1950–1960-х годов, ни в воспоминаниях. Более того: Иву Монтану из-за этой истории не был запрещен въезд в СССР, а министр культуры Фурцева не произносила на заседании Политбюро фразу «каждая советская женщина имеет право на качественный бюстгальтер» (этот «факт» также не упоминается ни в документах, ни в работах историков).

В чем Ольга Гурова, вне всякого сомнения, права, так это в том, что историю о «парижской выставке советского белья» знает огромное количество людей, выросших в СССР. Многие (включая исследователей и журналистов) не только слышали эту историю, но и не сомневаются в ее правдивости. Без упоминания истории о французской выставке не обходится почти ни одна современная статья в СМИ о советском белье. Тем не менее, история о французе, который позорит советских женщин, выставляя напоказ советское белье, представляет собой городскую легенду. Во всех версиях этой легенды фигурирует нечто интимное и постыдное (нижнее белье советского производства) и оценивающий взгляд иностранца, причем иностранца эталонного (французский актер, певец или модельер). Как мы увидим дальше, эту легенду сформировали специфические советские страхи, связанные по большей части с той ролью, которую играл в советском воображении взгляд иностранца.

«Скрытое сообщение» в городской легенде — артикуляция коллективно разделяемых эмоций

Французские, канадские и американские исследователи городских легенд еще в 1970-е годы задались вопросом, почему те или иные легенды возникают и становятся популярными (обзор этих подходов см. в книге [Архипова, Кирзюк 2020: 14–73]). Пытаясь ответить на этот вопрос, они пришли к выводу, что каждая легенда содержит «скрытое сообщение». Зачем люди рассказывают друг другу нелепые истории? Потому что, распространяя их, мы «на самом деле распространяем другое сообщение, которое не осознаем» [Kapferer 1987: 165]. Именно такие спрятанные сообщения, как утверждает Жан-Ноэль Капферер, обеспечивают эмоциональное удовлетворение, которое мы испытываем, распространяя слух. При этом смысл спрятанного месседжа принципиально недоступен носителю сюжета. Как пациент не понимает значения своего симптома без помощи психоаналитика, так

и носителю фольклорного текста, говорит Алан Дандес, «...трудно артикулировать свои бессознательные символы, как и грамматику языка, на котором они говорят» [Dundes 2003: 96].

Одна из социальных функций скрытых сообщений — это выявление (или артикуляция) социальных проблем или дискомфортных эмоциональных состояний. Легенда при таком подходе рассматривается как своего рода «язык», помогающий группе артикулировать проблемы и эмоции, которые она не в состоянии сформулировать и проговорить другим способом (обзор таких работ см.: [Кирзюк 2018; Архипова, Кирзюк 2020: 24–35]). Именно так социолог Джеффри Виктор объясняет популярность слухов о деятельности сатанинских сект, которые вызвали масштабную панику в сельской Америке в конце 1980-х годов. По его мнению, люди не случайно начали вдруг рассказывать о том, что повсюду орудуют сатанисты, похищающие и убивающие детей. Американцы, которые распространяли такие истории и боялись сатанистов, переживали серьезный экономический кризис, имевший неприятные социальные и психологические последствия. Закрытие предприятий и увеличение числа безработных повлекло за собой рост разводов и упадок доверия к традиционным институтам. Легенда о сатанинских сектах, говорит Виктор, стала выражением растерянности и страха, связанных с социально-экономической депривацией. На самом деле эта легенда говорила: «Моральному порядку нашего общества угрожают могущественные и загадочные силы зла, и мы теряем веру в способность наших институтов и властей справиться с ними» [Victor 1993: 54–55].

Следуя логике Капферера, Виктора и других социологов и фольклористов, работавших в рамках «интерпретативного подхода», городская легенда о коварном французе, обманувшем доверие советских женщин, не возникает просто так. За ее анекдотическим и игривым содержанием стоят вполне серьезные советские страхи — иначе бы легенда не появилась. Легенда «проговаривает» эти страхи, сталкивая самое неприятное с самым желанным и заворачивая все это в обертку занимательного рассказа.

Чтобы прочитать «скрытое сообщение» нашей легенды, нам придется разобрать все ее составные элементы и выяснить значение каждого из них. И сначала мы расскажем о том, как была устроена легенда о выставке советского белья и в каких вариантах она распространялась.

Городская легенда о коварном французе, унизившем советских женщин

После смерти Сталина советское общество начало постепенно открываться западному миру. Писатели, музыканты, актеры, режиссеры и модельеры, симпатизирующие Советскому союзу, начали посещать СССР. В 1955 году в Москве и Ленинграде прошла первая Неделя французского кино, на которую приехали многие известные французские актеры, в том числе любимый советскими зрителями Жерар Филип. В 1956 году приехал Ив Монтан, в 1959-м с показом моделей дома Christian Dior — французский кутюрье Ив Сен-Лоран, а затем — Пьер Карден. Кроме того, в 1957 году в Москве прошел Фестиваль молодежи и студентов, благодаря которому страну посетило невиданное доселе количество иностранцев. Видимо, именно тогда среди советских граждан начинает ходить история о приехавшем в СССР известном французском актере или певце, друге Советского Союза (назывались разные имена, чаще всего — Жерара Филипа и Ива Монтана), который специально накупил нижнего женского белья в ГУМе, а затем,

вернувшись на родину, показывал его друзьям, чтобы их повеселить, или даже устроил выставку, чтобы побольше французов могло посмеяться над убогостью советской моды и неизящностью русских женщин.

Мы не случайно употребили слово «видимо», когда выше говорили о времени появления легенды. На самом деле не известно, когда в точности она возникла; можно сказать с уверенностью, что произошло это не раньше конца 1950-х годов. Однако мы точно знаем, что эта легенда была популярна не только во время оттепели, но и позднее. История про французского актера, повествующая о событиях эпохи оттепели, прекрасно известна людям, которые слышали ее в 1970–1980-е годы или даже в постсоветское время. Долгая жизнь этого фольклорного сюжета говорит об устойчивости страхов и стереотипов, ответственных за его существование.

В процессе работы над этой темой (и книгой «Опасные советские вещи») в течение последних четырех лет мы интервьюировали бывших жителей советских городов. Мы записывали и большие слабоструктурированные интервью, и проводили мини-опросы в социальной сети Facebook (информанты, которые сообщили нам те или иные версии, указаны под инициалами в сноске к тексту).

Легенда о выставке белья оказалась не только долговечной, но и весьма широко распространенной. Ее хождение, по всей видимости, не было ограничено какими-то определенными социальными или профессиональными кругами. В итоге мы записали эту легенду от бывших диссидентов и лояльных советских граждан, от детей номенклатуры и студентов ПТУ, от столичной интеллигенции и бывших фарцовщиков. Информанты слышали ее в разных городах и в разные годы (от 1960-х до 2000-х).

Как всякая широко распространенная легенда, история о выставке белья имеет много разных версий, поэтому место действия и действующие лица варьируются. Так, если в версии, процитированной выше, коварный француз посещает ГУМ, то в других он замечает будущие «экспонаты» на выставке легкой промышленности [Боженко 2019] или на фабрике белья: «Приехал известный француз (имя не помню), и его по советской традиции повезли показывать достижения советской промышленности. И завезли его на фабрику белья. Оттуда он увел несколько экземпляров и с фуроом демонстрировал их во Франции»[2].

Назывались разные предметы якобы выставленного во Франции белья: «лифчики с чашечками в форме колокола, панталоны разных оттенков, рейтузы с начесом»[3]. Рената Литвинова в передаче, посвященной советскому нижнему белью, сообщает (как реальный факт), что Ив Монтан и Симона Синьоре купили в советском магазине «трусы мужские семейные, панталоны до колен, хлопчатобумажные коричневые чулки, кальсоны с начесом и парашютообразные лифчики»[4].

В разных версиях меняется и фигура организатора выставки. В этом качестве чаще всего выступают Ив Монтан вместе с актрисой Симоной Синьоре, которые якобы задумали ее после поездки в колхоз и общения с колхозницами[5]. В редких версиях речь идет о других французских

[2] А. А., ж., 1979, Москва.

[3] https://oadam.livejournal.com/310827.html?fbclid=IwAR1A-X2LUlPaa7takE6H5x9gPeXMpN5dAd6xso-x3eoW9I-n_JpNIYevIYA

[4] https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32657/episode_id/191812/video_id/191812/viewtype/picture/?fbclid=IwAR1Z1ayj_DMKFMHPgsHydSC_MBXCgUmetCAtfH2r0_-Y8fJYEaBRQ64CD_U

[5] Н. К., ж., 1994, услышано от бабушки 80-ти лет, Москва.

актерах: «Легенду о вывезенном белье и устроенной выставке слышал. Фигурировал Ален Делон»[6]. Иногда в этой роли выступали французские модельеры Ив Сен-Лоран, Кристиан Диор и Пьер Карден. При этом некоторые персонажи, которым легенда приписывает организацию выставки советского белья — такие, как Жерар Филип, Ив Сен-Лоран, Ив Монтан, Симона Синьоре, Пьер Карден — действительно приезжали в СССР, тогда как другие (например, Ален Делон) никогда в стране Советов не были.

Эта история рассказывалась иногда со смехом, но чаще — со стыдом, обидой и возмущением. Одна наша собеседница слышала в конце 1970-х эту историю от отца, который сам имел французские корни: «[Папа] кипел гневом: как они могли, страна еле-еле после войны восстановилась»[7].

Для некоторых эта легенда стала причиной горького разочарования в Жераре Филипе: «С тех пор я перестала уважать этого актера», — написала одна читательница в газету «Советская Россия» [Балашова 2013, 1 августа]. Обида на Жерара Филипа проскальзывает и в другом рассказе:

> Когда мы всей семьей садились смотреть «Фанфана-Тюльпана», мою бабушку надо было долго уговаривать, а потом она сидела весь фильм с стиснутыми губами. Она обожала Жерара Филиппа, но была на него обижена, поскольку твердо знала, что он подлец, был приглашен в СССР, его так все ждали и восхищались, его повели на экскурсию в ГУМ, а он потом тайком скупил голубые и розовые женские трусы с начесом, привез их во Францию и устроил из них выставку. И все смотрели и смеялись над советскими женщинами![8]

Обида, которая не давала бабушке нашей информантки наслаждаться любимым фильмом, была вызвана «фактом» организации выставки. Но иногда легенда подчеркивала высокомерное и насмешливое отношение к «нам» французских актеров, описывая их поведение в советском магазине. Так, в одном из вариантов легенды французская актриса, оказавшись у прилавка с советским бельем, продемонстрировала оскорбительное презрение к увиденному: «Симона Синьоре ходила по бельевому отделу ГУМа и разглядывала женские трусы, приподнимая их двумя пальцами: “Что это такое?”»[9]. В нескольких других вариантах легенды французские гости, увидев советское белье, изумляются, как советским людям «удается повышать рождаемость»[10]. Иногда они удивляются, как, имея такое нижнее белье, можно вообще заниматься сексом: «Ив Монтан на экскурсии в ГУМе увидел советское нижнее белье, долго удивлялся, как советские люди могут вообще размножаться, и увез образцы с собой»[11]. Интересно, что существовали и другие легенды, которые ничего не говорили о выставке советского белья, но утверждали, что при виде этого белья зарубежные звезды испытывают отвращение: «Я слышал легенду про некую западную кинозвезду, которой для эпизода нужно было сняться в советском белье — но увидев оное, кинозвезда наотрез отказалась надеть это даже на время съемок»[12].

[6] Такую версию, например, слышал в 1970-е годы историк Леонид Кацва (1957 г. р., Москва), о чем и сообщил нам.

[7] М. О. слышала эту историю от своего отца 1936 г. р., до 1956 года отец жил в городе Лионе (Франция). В 1956 году переехал в город Свердловск.

[8] А. А., ж., 1976, Москва (самозапись).

[9] О. Б. слышала это от мамы 1935 г. р., Якутск (сообщение на Facebook).

[10] П. И., ж., 1968, Петербург, услышала от мамы 1933 г. р., Петербург.

[11] С. С., ж., 1981, Москва.

[12] Н. Л., м., 1970, Москва (сообщение на Facebook).

История о том, как высокомерный француз унизил советских женщин, распространялась также и в самиздате[13]. В тексте стихотворения (приписываемого Сергею Михалкову) упоминается недавний «фестиваль» (видимо, знаменитая «Неделя французского кино» 1955 года, куда приезжал Жерар Филип), поэтому скорее всего стихотворение возникает где-то во второй половине 1950-х:

Но что же ты, вернувшись в свой Париж,
Что ты о нас, французик, говоришь?
Ты произнес о нас немало слов,
Ты приобрел коллекцию трусов.
Каких-то карт и платьев старомодных,
Шляп фетровых давно не модных.
Ты наших женщин высмеял, как мог,
Дав этим нам порядочный урок.
Что были сведения пусты,
Что наши женщины толсты,
Что нет у нас красивых платьев,
Что все в зеленом ходят без изъятья,
Что и прически не на высоте,
Что, словом, женщины не те [Деготь, Демиденко 2000: 93][14].

В этой истории, как нельзя лучше выражающей советскую озабоченность взглядом «западного другого», французский актер, красавец и любимец советских женщин, предает их. Как он это делает? Сначала он видит сам (ему показывают как близкому другу), а затем показывает всему миру нечто такое, что для иностранного взгляда не предназначается, нечто скрываемое и постыдное.

Взгляд иностранца: контролировать, чтобы гордиться

Как замечает историк Алексей Голубев, западный взгляд обладал над советским человеком особой властью. Этот взгляд мог дисциплинировать его через чувства гордости и стыда. Оказываясь под взглядом иностранца, советский человек должен был представить себя и свою страну таким образом, чтобы испытывать «гордость» за нее [Голубев 2018]. Этот желаемый эффект достигался ценой немалых усилий, направленных, с одной стороны, на правильную саморепрезентацию, а с другой — на тщательный контроль за взглядом иностранца. По сути дела, на решение этих двух задач работала вся система выездного и въездного туризма.

Советская власть тщательнейшим образом отбирала тех граждан, которые могут представлять нашу страну за рубежом. Желающие побывать за границей (особенно — в капиталистических странах) не только должны были иметь безупречные анкетные данные и хорошее здоровье, но и подробно инструктировались на тему того, как им следует себя вести во время поездки [Орлов, Попов 2016, Попов 2018]. Во время этих инструктажей будущим туристам настойчиво внушалась мысль, что за границей они будут объектами повышенного и часто недоброжелательного внимания со стороны местного населения. Неудивительно поэтому, что, оказываясь в зарубежной турпоездке, советские люди чувствовали себя так, словно они не отдыхают, а выступают на «международной арене» [Горсач 2018].

[13] По сообщению Глеба Павловского, который видел ее в самиздате в 1970-е годы.
[14] Мы благодарим Габриэля Суперфина за указание на источник.

Когда же иностранец приезжал в СССР, усилия советской стороны в значительной степени сводились к контролю над его взглядом. В поле зрения иностранного гостя должны были попадать исключительно объекты, вызывающие гордость — образцовые предприятия, школы и колхозы, памятники архитектуры и природные достопримечательности [Холландер 2001, Хрипун 2001, Орлов, Попов 2018].

В то же время гиды, работающие в системе «Интурист», должны были пресекать любые попытки иностранных гостей увидеть, а тем более — сфотографировать нечто, не предназначенное для их взглядов [Орлов, Попов 2018: 74–75]. Перечень объектов, запрещенных для фотосъемки, был весьма обширен и включал в себя не только объекты, составляющие государственную тайну (оборонные заводы, военные части, верфи), но и ветхие строения, очереди, груды мусора и бедно одетых людей. В 1960 году американский турист Роберт Критчнер саркастически заметил, жалуясь симпатичному русскому парню (не зная, что это агент КГБ с оперативным псевдонимом «Карузо») на ограничения, налагаемые на западных туристов: «В СССР туристам ничего нельзя фотографировать, только горы и море»[15]. К этому добавлялся запрет на вывоз иностранцами из СССР непроявленных пленок [Орлов, Попов 2018: 74–75].

Истории об иностранцах, которые стремились сделать «неподцензурные» снимки и прибегали для этого к хитрости и обману, были распространены среди советских горожан. Наш собеседник 1952 года рождения из Ленинграда вспоминает популярный рассказ про иностранца, который попросил таксиста подвезти его к Горному институту на Васильевском острове и начал фотографировать памятник Крузенштерну (который с иной точки зрения и не виден). Однако бдительный таксист отвез его в милицию, заподозрив в том, что на самом деле иностранец в шпионских целях фотографировал Адмиралтейские верфи, которые видны с противоположной стороны[16]. Доходило до того, что любой человек с фотоаппаратом начинал восприниматься как шпион: советские дети и взрослые начинали его «выслеживать». Нам рассказали подобную историю о некоем Марике, который в 1963 году учился в Днепропетровском университете. «Он был рыжий, косоглазый и всегда ходил с фотоаппаратом. И вот когда студентов повезли в колхоз на кукурузу (в село под Днепропетровском), то он там тоже ходил и снимал пейзаж с кукурузой. Колхозники его поймали, повязали и сдали в милицию [на том основании], что он шпион и фотографирует линию электропередач»[17].

Попытки иностранного визитера ускользнуть от контроля и нарушить эти запреты могли иметь для него довольно неприятные последствия. Так произошло с французским фотографом Жюльеном Галеотти. Во время туристических поездок в Одессу, Москву и Ленинград любознательный француз неоднократно отставал от туристической группы и фотографировал объекты, не предназначенные (с точки зрения советских властей) для взгляда иностранца. В частности, на его снимки попали «плохо одетая сгорбленная старуха, напоминающая нищую, изображенная на фоне витрины с дамским бельем», мусорные ямы, «грязные и босые дети, люди, изображающие нищих (так в тексте — А. А., А. К.), и тому подобное» [Середа 2018, 17 сентября]. Любопытство Галеотти быстро привлекло к нему внимание КГБ,

[15] ОГА СБУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1339. Л. 4.

[16] Д. Ф., м., 1952, Санкт-Петербург (интервью зап. в январе 2020 года).

[17] История записана от поэтов и писателей Марии Галиной (1958, Тверь) и Аркадия Штыпеля (1944, Новый Днепр (Днепропетровск).

который увидел в его фотографиях попытку злостно очернить советскую действительность (хотя на взгляд нашего современника они представляют собой обычные уличные фотозарисовки). В итоге француз был выслан из страны под угрозой обвинения в шпионаже.

Как показывает случай Галеотти, никакие ухищрения, никакие формальные и неформальные запреты не гарантировали того, что взгляд иностранца останется под контролем и не увидит нечто, для него не предназначенное. Всегда оставалась вполне реальная возможность испытать вместо гордости стыд. Возможно, именно поэтому пропагандисты призывали советских людей бдительно следить за тем, куда направлен взгляд иностранного туриста, особенно, если этот турист вооружен фотоаппаратом. В 1960–1970-е годы многочисленные брошюры по идеологическому воспитанию убеждают своих читателей, что в условиях «холодной войны» многие приезжающие в СССР иностранцы специально выискивают в советской действительности отрицательные явления, чтобы потом использовать их «для беззастенчивой клеветы на нашу страну, чтобы в извращенном виде изобразить жизнь советского народа» [Цыбов, Чистяков 1968: 153]. В пропагандистских текстах такие псевдотуристы пытаются фотографировать свалки, очереди или ветхие дома, чтобы потом опубликовать снимки в какой-нибудь западной газете. Эти попытки пресекаются бдительными советскими гражданами, которые сдают потенциальных «клеветников» в милицию [Орлов, Попов 2018: 414–415]. Иногда в этих текстах рассказывается об изощренном коварстве иностранцев и о разнообразных уловках, к которым они прибегают, чтобы опозорить советскую страну. Например, авторы брошюры «Враг не достигнет цели» рассказывают про американского туриста, который проявил немалую изобретательность в поисках материала для клеветы на СССР. Этот американец, обезоруженный бдительными советскими гражданами, якобы не только фотографировал ветхие деревянные дома и кучи строительного мусора, но и снял очередь в кассу Ленинградской филармонии с такого ракурса, чтобы на фотографии она выглядела как очередь в соседний продуктовый магазин [Лякин и др. 1963: 77]. А школьники нередко слышали от учителей и других взрослых, что не следует просить у иностранных туристов жвачку: ведь иностранец может сфотографировать советского ребенка с протянутой рукой, а потом опубликовать фотографию в западной газете с подписью «Советские дети просят хлеба» или «Советские дети просят милостыню» [Архипова, Кирзюк 2020: 205]. Именно с этим связана идея, что советские дети не должны попадать в объектив иностранного фотоаппарата. «В моем детстве постоянно говорилось: “Ни в коем случае — чтобы вас не сфотографировали иностранцы” — рассказывает нам наш ленинградский собеседник, — потому что иностранцы могут отретушировать [снимок] и вам пририсовать что-нибудь не то»[18].

Сюжет про иностранного туриста, мечтающего опозорить советскую страну, можно найти не только в пропагандистских брошюрах, но и на плакатах. Например, на плакате Д. Обозненко «“Объективный” турист» 1958 года изображается иностранец, который клевещет на нашу страну с помощью фотографии:

Прием используя привычный,
Врет иностранец заграничный.
Фотографирует помойку
И выдает за нашу стройку [Пострелова 1959: 14].

[18] Д. Ф., м., 1952, Санкт-Петербург (интервью зап. в январе 2020 года).

Отчасти благодаря подобным пропагандистским текстам, отчасти — собственным наблюдениям и слухам, советские граждане, даже не имеющие никакого отношения к системе иностранного туризма, были прекрасно осведомлены о практиках контроля за взглядом иностранцев. Усилия властей по украшению советской действительности перед иностранными визитерами высмеиваются в известном анекдоте:

> Иностранный корреспондент берет в цеху интервью у передовика производства:
> — Сколько вы получаете?
> — Девяносто рублей в... (гебист мигает рабочему) в неделю.
> — Каковы ваши жилищные условия?
> — Одна комната... (гебист мигает) на каждого члена семьи.
> — А какое у вас хобби?
> — Двенадцать сантиметров... (гебист растерянно мигает) в диаметре [Мельниченко 2014: № 3131].

Однако нередко эти практики «контроля и обмана» вызывали не смех, а возмущение. Очень показателен в этом отношении случай, произошедший в 1933 году во время визита на Украину французского экс-премьер-министра Эдуарда Эррио. Власти, видимо, использовали обычный в таких случаях набор «техник гостеприимства» (термин Пола Холландера) и так тщательно следили за тем, что высокопоставленный иностранный гость видит в советском городе, что это спровоцировало недовольные толки среди местных жителей. Так, литограф одного советского завода, согласно донесению агента НКВД, заявил своим товарищам:

> Наши власти лопаются и хотят замазать глаза иностранцами, что, мол, у нас социализм. Я видел как в овощную лавку вбежал милицейский работник и дал глупое распоряжение немедленно ликвидировать очередь, которая стояла возле лавки. Как будто Эррио не знает, что у нас творится[19].

Тревога по поводу «бесконтрольности» взгляда иностранца обуревала не только пропагандистов и сотрудников госбезопасности. Именно она легла в основу фольклорной истории о коварном французе и выставке нижнего белья. Разница состояла лишь в наборе объектов, которые считались не предназначенными для взгляда иностранца. В дискурсе политической пропаганды это были очереди, свалки и ветхие дома, а в городской легенде таким объектом стало нижнее белье.

Почему нижнее белье? Отчаянный стыд

Советскому Союзу было сложно соревноваться с капиталистическими странами в области моды: социалистическая мода была вторичной и сильно отставала от западных тенденций [Бартлетт 2011]. Отчасти это было связано с неповоротливостью плановой системы, а отчасти с тем, что легкая промышленность никогда не была приоритетной сферой советской экономики. Ее продукция, как неоднократно отмечали исследователи, мало соответствовала представлениям советских потребителей о том, как выглядят модные и красивые вещи [Захарова 2007, Журавлев, Гронов 2013]. Эта проблема обсуждалась и в советской прессе, где регулярно разбирались письма покупателей с жалобами на низкое качество и старомодность одежды, а также на невозможность найти подходящий размер [Журавлев, Гронов

[19] ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 71. Т. 8. Л. 186. Мы благодарим украинского историка и журналиста Эдуарда Андрющенко за предоставление этого источника.

2013: 350–351]. Те же самые трудности касались нижнего белья, которое не отличалось ни изящностью, ни разнообразием фасонов. Его бывшие покупатели (и особенно покупательницы) вспоминают, какой проблемой было для них найти белье, которое подходило бы по размеру и хорошо сидело. Так, наша собеседница в начале 1980-х часто слышала от своей коллеги: «Хоть бы они на фабрике своих работниц обмерили — ведь ни один лифчик не подходит!»[20]. Из-за скудости магазинного ассортимента в крупных советских городах в 1950–1960-е годы существовала практика пошива нижнего белья на заказ у частных портных. Советская женщина могла также обратиться в ателье по изготовлению белья [Лебина 2015: 139].

Однако далеко не все могли себе это позволить. Большинство вынуждено было довольствоваться ассортиментом бельевых отделов в магазинах, то есть носить белье, которое вызывало не самые приятные чувства. Советское белье было старомодным по сравнению с тем, что носили в западных странах. Если в Великобритании уже в конце 1920-х годов почти все женщины носили шелковые чулки телесного цвета [Рибейро 2012: 195], то большинство советских женщин и в 1950-е продолжало носить хлопчатобумажные чулки, которые не плотно облегали ногу, морщились и скатывались, а шелковые и капроновые чулки оставались для многих недостижимой мечтой. Эта «отсталость» прекрасно осознавалась советскими женщинами, среди которых белье заграничного производства чрезвычайно ценилось.

> Западные вещи создают своеобразную рамку референции, через которую воспринимается советская одежда, воспоминания категоризируются по оппозициям: постыдное / удивительное, безразмерное / изящное. Западное нижнее белье является предметом вожделения, советское — «болевой точкой» в личном и коллективном опыте людей [Гурова 2008: 235].

Вспоминая советское белье, люди много говорят о разнообразных оттенках чувств стыда и неловкости. Советское нижнее белье описывается как имевшее «убийственные цвета» и «ужасную конструкцию», как мешковатое, некрасивое и бедное; вспоминаются также разные предметы этого белья, которые стягивали, выпирали, топорщились [Гурова 2008: 233–236, Деготь 2000]. Кураторы выставки «Память тела», прошедшей в нескольких российских городах в 2000–2001 годы, Юлия Демиденко и Екатерина Деготь собрали целую подборку таких «историй стыда» [Деготь 2000]. К этим историям мы можем добавить многочисленные рассказы наших собственных информантов, которые вспоминают нижнее белье советского времени как нечто уродливое и постыдное.

Предметом, вызывающем наибольшее количество «историй стыда», стали разного рода теплые рейтузы, панталоны и подштанники. Многие женщины, чьи детство и юность прошли в СССР, вспоминают о том, как вне дома тайком снимали теплые рейтузы, которые дома заставляла надевать мама или бабушка. Существовали разные способы избавления от постыдного предмета одежды. «Серые рейтузы жили в портфеле (надо еще выйти было пораньше, чтобы успеть их содрать»[21]. Кто-то оставлял их в подъезде: «Рейтузы жили в подъезде. Снимала, выходя из квартиры и засовывала за батарею. Приходила — входила в подъезд, надевала, входила в квартиру и снимала»[22].

[20] Ю. З., ж., 1958, Петербург.
[21] А. М., ж., около 1970, Москва (сообщение на Facebook).
[22] М. О., ж., 1970, Свердловск (сообщение на Facebook).

Одна наша собеседница описывает советские гамаши как вещь, способную убить любое сексуальное влечение, и сравнивает их с «поясом верности»:

> В мое время — начало 80-х, снимали (тайком в подъезде — А. А., А. К.) уже не панталоны, а гамаши василькового цвета. Их полагалось подвязывать бельевой резинкой (в просторечии — резинка от трусов) и подворачивать сверху через эту резинку. Даже не знаю как еще объяснить тем, кто не пережил этого позорища лично. Это было вроде пояса верности — любой маньяк или простой харасер сразу и навсегда утратил бы потенцию узрев это плачевное зрелище, не говоря, что развязать такую резинку он бы нифига не смог[23].

Потребность избавиться от постыдного предмета была особенно настоятельной в тех случаях, когда девушке предстояло раздеться перед взглядом другого — например, на свидании. Одна мемуаристка вспоминает, что, приезжая к любовнику, она в подъезде снимала подштанники, чтобы облачиться в более привлекательное белье иностранного производства: «И вот я там прямо на лестничной площадке, перед тем как нажать звонок, переодевалась: снимала вязаные теплые подштанники и надевала красивые (как мне казалось) польские трусики, прямо через зимние сапоги» [Деготь 2000].

Но особенно острым ощущение стыда становилось в тех случаях, когда некрасивое белье могло оказаться под взглядом иностранца. Очень характерна в этом смысле история, которую наша собеседница услышала от своей крестной[24]. Та однажды ехала в вагоне СВ из Москвы в Ленинград, и ее соседом по купе оказался привлекательный молодой человек из Югославии. Крестная влюбилась в югослава с первого взгляда, причем взаимно; однако, она отчаянно сопротивлялась физическому сближению по единственной причине — ей было стыдно, что иностранец увидит ее нижнее белье.

Все эти истории говорят об одном: советское белье часто воспринималось как нечто настолько постыдное, что из-за него женщины в прямом смысле боялись разоблачаться. Особенно это относилось к панталонам/рейтузам/трусам, которые фигурируют в большинстве записанных нами версий легенды о коварном французе.

Почему француз? Мода, красота и «воображаемый Париж»

То, что в нашей легенде фигурирует именно француз (а не американец или, скажем, итальянец), тоже совершенно не случайно.

В позднесоветские годы отношение к вещам западного производства было совершенно особым. Так, например, жители крупных советских городов могли украшать свои квартиры пустыми пачками из-под сигарет Marlboro, пустыми бутылками из-под импортных напитков или этикетками с надписями на иностранных языках. Сколь бы странными ни казались эти действия сейчас, для советского человека они были наполнены смыслом, создавая вокруг него пространство «воображаемого Запада» — другой мир, притягательный и непохожий на мир советской повседневности [Юрчак 2014: 314–315]. И столицей этого «воображаемого Запада» несомненно был Париж. Свидетельство тому — многочисленные примеры позднесоветского городского фольклора, в котором «французское» или «Париж» представлены как нечто максимально контрастное по отношению к советской действительности.

[23] Сообщила Т. К., ж., 1973, Донецк.

[24] Рассказ М. Л. про свою крестную, Н. Ч., 1935 г. р., Кисловодск.

Один из примеров такого фольклора — анекдот о том, как западная делегация летит в Москву, а советская — в Париж. Обе останавливаются в Будапеште. Западные туристы выходят в Будапеште, оглядываются вокруг и говорят: «О, это почти СССР!», а советские — «О, это почти Европа». Строго говоря, в этом анекдоте мог бы быть назван любой город, но назван именно Париж — чтобы усилить контраст с советским. Существовал также цикл анекдотов, в которых незадачливый советский турист неудачно посещает парижский бордель. В этих анекдотах именно в Париже советский человек сталкивался с вожделенными прелестями Запада и при этом обнаруживал полное незнание необходимых поведенческих кодов. В повседневной речи отсылка к «Парижу» могла использоваться, когда надо было иронически описать «свою» неприглядную действительность, как, например, в поговорке «У нас как в Париже — только дома пониже да асфальт пожиже», популярной в 1970-е годы [Елистратов 2000: 316].

Представление о Париже как о каком-то невообразимо прекрасном и престижном месте появилось, конечно, не в позднесоветские годы, а гораздо раньше. Известная нам сегодня мифология Парижа как пространства престижного потребления, элегантности и зрелищности сложилась еще в XIX веке [Рокамора 2017]. Вспомним пример, знакомый со школьных уроков литературы: герой гоголевского «Ревизора» Хлестаков, желая поразить воображение своих провинциальных слушателей, хвастается, что ему суп в кастрюльке доставляют прямо из Парижа, «откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе...». Привычка ассоциировать Францию с высокой модой, изящными вещами и хорошими манерами закрепилась в языке. Как показывают исследования лингвистов, в русской языковой картине мира «типично французскими» качествами являются «утонченность, грациозность, изящество, изысканность» [Плунгян, Рахилина 1996: 345]. В таких устойчивых сочетаниях со словом «французский», описывающих человеческие качества, как, например, «французская галантность», слово «французская» является указанием на «эталонность» для этого качества.

При том что Париж был, как мы видим, эталоном, он мыслился как место абсолютно недосягаемое, что нашло отражение в эвфемизме, с помощью которого в 1970-е годы оформлялась необходимость посетить туалет. Если надо было отлучиться по надобности, то представитель городской интеллигенции мог использовать кодовую фразу, представляющую собой «формулу невозможности» — «я пошел позвонить в Париж» [Мокиенко, Никитина 2007].

Об этих двух свойствах «воображаемого Парижа» — недосягаемость и эталонность — говорит поговорка «увидеть Париж и умереть», популярная в советское время и малопонятная сейчас. Она показывает, что Париж мыслился как самая заветная и большая мечта, за воплощение которой не жаль заплатить даже жизнью [Gilburd 2018: 2]. Эта идея пережила Советский Союз, потому что уже в 1990-е годы рассказывали анекдот:

> Новый русский говорит жене: «Милая, ты же постоянно твердишь: "Увидеть Париж и умереть!" Вот билеты, а за базар придется ответить».

Но вернемся к нашей легенде. Если Франция мыслилась как центр «Воображаемого Запада» и «красивой заграничной жизни», то в глазах французов мир подштанников и гамаш, подвязанных «резинкой от трусов», должен был выглядеть максимально нелепо и жалко. В то же время любые предметы, получаемые «оттуда», имели огромную символическую ценность.

Эта ценность была такова, что реальное качество заграничных вещей, их физические свойства не имели для советских потребителей большого значения [Журавлев, Гронов 2013: 405, Твердюкова 2016].

Советские женщины стремились получить французские вещи, среди которых особенно ценились духи, кофточки и, конечно, нижнее белье. Кому-то его привозили из-за границы родственники и знакомые; также можно было, с риском для себя и с большими финансовыми потерями, купить его у фарцовщика. Разбираемая городская легенда есть переворачивание реальной практики: в фольклорном нарративе не советская женщина получает вожделенное заграничное белье, а французский экранный любовник выставляет напоказ жалкие советские трусы.

И роль «злодея» и насмешника совершенно не случайно выпала именно Иву Монтану.

Почему Ив Монтан? Отвергнутая любовь

В период оттепели СССР посетили несколько французских звезд. Но именно Ива Монтана легенда чаще всего обвиняет в организации выставки советского белья.

Песни Ива Монтана появились на советском радио в 1954–1955 годы и сразу же завоевали любовь советской публики:

> Мы не встречались с такими текстами, с такими щемящими и вместе легкими мелодиями ‹…›. Все было до боли трогательно, мучительная ностальгия по вряд ли реальному Парижу томила сердце вместе с четким осознанием того, что никогда в Париж нормальный советский человек поехать не сможет. Монтаном заболели, записывали тексты, к преподавателям французского языка стояли очереди, и большинство из них, естественно, ничего не понимали в сверхмодных оборотах современного парижского арго [Герман 2006: 262].

Поэтому приезда Ива Монтана и Симоны Синьоре в 1956 году ждали с нетерпением. Этот визит подробно освещался советскими медиа, которые старались извлечь из него максимум пропагандистской пользы и с упоением говорили о «дружбе между французским и советскими народами». Госконцерт СССР издал книгу, посвященную Иву Монтану и его визиту в СССР [Гастроли 1957]. О нем даже был снят полнометражный документальный фильм «Поет Ив Монтан» (1957). Благодаря ему тысячи советских людей, не имевших возможности попасть на выступление знаменитого француза лично, могли увидеть, как он поет в набитых до отказа концертных залах, домах культуры и заводских цехах, везде встречаемый цветами, восторженными взглядами и аплодисментами. Яков Хелемский и Борис Мокроусов посвятили Иву Монтану песню «Когда поет далекий друг»:

Задумчивый голос Монтана
Звучит на короткой волне,
И ветки каштанов, парижских каштанов
В окно заглянули ко мне.

Когда поет далекий друг,
Теплей и радостней становится вокруг,
И сокращаются большие расстоянья,
Когда поет хороший друг.

Прием, оказанный французской звезде, был не просто теплым, а восторженным. Достать билеты на его выступления было очень сложно. С рук их перепродавали втридорога, что нашло отражение в словах «народной» версии песни «Когда поет далекий друг»: «Когда в Москве поет Монтан / Опустошается студенческий карман / И сокращаются расходы на питанье / Когда в Москве поет Монтан»[25]. Студенты провинциальных вузов, не имеющие никаких шансов услышать Монтана вживую, устраивали себе маленькие «псевдоконцерты» в домашних условиях — с помощью газетных вырезок с портретами певца и проигрывателя, исполняющего хит "C'est si bon" [Gilburd 2018: 80].

После визита Монтана по Москве и Ленинграду в списках начал распространяться примечательный текст — сатирическая поэма «Ив Монтан и другие», написанная сценаристом и сатириком Владимиром Поляковым. Поэма была посвящена приезду Монтана и Синьоре в СССР, и в ней высмеивался избыточный, на взгляд автора, восторг советской творческой интеллигенции перед французским певцом. Все советские персонажи поэмы норовят пообщаться с французским гостем и услужить ему. Нелепость этих попыток становится особенно очевидной в тот момент, когда советские писатели и артисты стремятся блеснуть перед французским гостем в вестиментарном отношении. Они надевают на встречу с французской четой свои самые лучшие наряды («мужчины в черном, элегантны / на женщинах — цветы и банты»), в то время как Ив и Симона являются в повседневной одежде. Поэма заканчивается следующими строками:

Монтан гремит на всю Европу,
Спасибо, что приехал он,
Но целовать за это в жопу,
Как говорится, миль пардон![26]

Конечно, Поляков писал сатиру и поэтому преувеличил восторги советской публики. Однако нарисованная им картина имела под собой реальные основания. Во-первых, о полных залах и бурных овациях мы знаем из других источников (в частности, из вышеупомянутого фильма). Даже мемуарист, в середине 1950-х годов «заболевший Монтаном», утверждает, что «вокруг его приезда была форменная истерика» [Герман 2006: 264]. А во-вторых, поэма передавалась в списках, то есть у нее были активные и заинтересованные читатели, которые находили картину, нарисованную Поляковым, правдоподобной и узнаваемой.

Итак, Ив Монтан был тем иностранцем, с которым у советской публики (при активной поддержке официальной пропаганды) случился своего рода воображаемый роман. Однако коллективная «влюбленность» имела оборотную сторону — страх перед возможным «предательством» со стороны объекта. Выставка советского белья, якобы устроенная Монтаном, воспринималась именно как предательство: тот, кого мы считали «далеким другом», посмеялся над нами, показав миру самые постыдные стороны нашей жизни.

Дружба Ива Монтана с Советским Союзом закончилась в 1968 году, когда страны Варшавского договора ввели в Чехословакию танки для подавления «Пражской весны». Это вызвало негативную реакцию многих европейских левых, которые после танков в Праге окончательно разочаровались

[25] В. Д., м., 1946, Санкт-Петербург.
[26] https://oldporuchik.livejournal.com/14963.html

в советском проекте. В их числе оказался и нежно любимый советской публикой Ив Монтан.

С прекращением «романа» Монтана с СССР связано одно довольно редкое добавление к легенде о выставке белья, которое появилось, видимо, позже, чем сама легенда. Один наш информант, слышавший эту историю в начале 1970-х годов, полагает, что она была намеренно запущена в народ сотрудниками КГБ[27]. По его мнению, распространяя эту историю, КГБ стремился отбить у советских людей охоту восхищаться Монтаном, который отказал в своей дружбе СССР и стал, таким образом, персоной нон грата. Эта теория выглядит по-своему логичной, ведь реакцией на легенду были, как мы помним, возмущение, гнев и обида на французского актера. Однако мы должны заметить, что идея «историю X сочинил и запустил КГБ» прибавлялась к очень многим советским легендам, так что она сама стала одним из самых устойчивых советских сюжетов. Опровержением сюжета об авторстве КГБ может также служить тот факт, что несколько других наших информантов слышали эту историю в начале 1960-х годов.

Почему Ив Сен-Лоран? Демонстрация унизительных контрастов

Из набора французских персонажей, которых наша легенда обвиняет в устройстве выставки белья, еще один действительно побывал в СССР. Это Ив Сен-Лоран, приезжавший в СССР летом 1959 года на показ модного дома Dior в Москве.

Визит Сен-Лорана и дома Dior в Москву был организован довольно специфическим образом. Манекенщицы не только на показах, но и во время прогулок по городу должны были появляться в нарядах от Christian Dior, чтобы позировать американскому фотографу Говарду Сочареку, снимавшему серию «Диор в Москве» для журнала Life [Курганская 2015, 17 июля]. Этот рекламный ход вполне мог повлиять на формирование легенды о выставке белья.

По фотографиям Сочарека мы можем судить, насколько сильно французские манекенщицы, буквально сошедшие с подиума, выделялись на фоне буднично одетых советских женщин. Ситцевые платья и платки советских покупательниц ГУМа очевидным образом проигрывали платьям и шляпкам от Dior. Эта контрастная картина должна была произвести сильное впечатление на всех, кто ее наблюдал — такого рода уличная фотосессия для жителей советского города была событием абсолютно эксклюзивным. Поэтому, хотя москвичи вряд ли видели фотографии Сочарека в Life, многие наверняка слышали что-то об этом «явлении Диора народу» от знакомых. Очевидно, рассказы о нем не только сделали Ива Сен-Лорана одним из персонажей нашей легенды, но и стали для советских людей подтверждением их собственной «вестиментарной неполноценности» по отношению к западным людям вообще и к французам в частности. А именно это ощущение лежит в основе того специфического «советского стыда», благодаря которому появилась и стала столь популярной легенда о выставке белья.

[27] Н. Е., м., 1959, Санкт-Петербург.

Гордость, а не стыд: история о выставке белья с «позитивной» моралью

Согласно мемуарным свидетельствам, советское белье поражало иностранцев не только своим фасоном, но и внушительными размерами. Одна американка, изучавшая в СССР русский язык, так описывает свой поход за бюстгальтерами:

> Жила [в Москве] уже долго, и пришлось мне пойти в ГУМ купить себе лифчик. Я первый раз увидела, как в СССР продаются бюстгальтеры, — лежат горами, вставленные один в другой, без всяких упаковок или рекламы, без манекенов, просто такое явление природы, причем огромных размеров. Продавщица их снимает с полки и заворачивает в какую-то толстую бумагу, как хлеб или колбасу. Это все было так странно после Америки. А пока я смотрела, продавщица смотрела на меня. И она со своим гигантским бюстом поглядела на меня так полусочувственно, полупрезрительно, покачала головой и говорит: ты, девушка, тут все равно ничего себе не подберешь. Иди-ка ты лучше в «Детский мир» [Деготь 2000].

Мощность советских тел стала предметом советских же шуток и анекдотов. Так, в конце 1960-х — начале 1970-х рассказывали анекдот о женщине, которая пришла покупать лифчик, назвала размер и услышала в ответ «рюкзаки в отделе спорттоваров» или, в другой версии, «на танки чехлы не шьют»[28]. Эта реальная или преувеличенная величина бюстов вызывала у покупателей советского белья противоречивые чувства. Кто-то относился к ней иронически, что закрепилось в шутливом именовании советского бюстгальтера «парашютом». Однако разница в размерах между воображаемым «их» бельем (представление о котором, видимо, складывалось благодаря зарубежному кино) и вполне реальным «нашим» могла порождать не самоиронию, а гордость. Эта гордость могла совершенно поменять «мораль» истории о выставке советского белья, якобы устроенной французским певцом в Париже.

Во всех версиях, о которых мы говорили выше, подчеркивалось презрительное или насмешливое отношение «французов» к советскому белью: «Говорят, парижане тогда изрядно повеселились» [Боженко 2019, 10 апреля]. Однако одна наша собеседница убеждена, что посетители этой выставки не смеялись над фасонами советских панталонов и лифчиков, а, напротив, восхитились мощностью советских женщин и позавидовали советским мужчинам, которые такими женщинами обладают[29].

Эта единственная известная нам «позитивная» версия легенды показывает две важных для нас вещи, одна из которых касается социально-психологических функций городской легенды, а другая — советских представлений о взгляде иностранца. Мы видим, во-первых, что сюжет, артикулирующий некоторые коллективные тревоги, может, благодаря воображению исполнителя, начать выполнять терапевтическую функцию и превратиться из средства выражения неприятных эмоций в лекарство от них. Во-вторых, позитивная версия легенды показывает, что советское воображение, касающееся взгляда иностранца, было «зажато» между эмоциями гордости и стыда: столкновение с этим взглядом должно с неизбежностью вызвать одно из этих чувств — или гордость, или стыд, но не может оставить равнодушными ни воображаемых зарубежных зрителей, ни советских людей.

[28] С. Б., ж., 1957, Москва.
[29] Н. М., ж., 1948, Екатеринбург.

Заключение, или гордость и предубеждение советских людей

Городская легенда о коварном французе обязана своим появлением нескольким коллективно разделяемым эмоциям. Главная из них — это специфический советский «страх стыда». В легенде его объектом стало нижнее белье, которое воспринималось как нечто уродливое и потому не предназначенное для взгляда «другого». Этот «страх стыда» усиливался перед реальным или воображаемым взглядом иностранного наблюдателя. Несмотря на разнообразные попытки этот взгляд контролировать (то есть предъявлять ему только объекты, вызывающие гордость), существовала вероятность, что он выйдет из-под контроля и увидит нечто, вызывающее стыд — например, белье, которое совершенно точно не носят в «воображаемой Франции» из книг и кинолент. Легенда гипертрофирует этот страх: обладателем неподконтрольного и насмешливого взгляда в ней становится не просто какой-то случайный французский турист, но красавец, герой-любовник и всеобщий кумир, который демонстрирует в прекрасном «воображаемом Париже» жалкие советские трусы с начесом.

Но за всем этим стоит еще и эмоция иного свойства. Как советские люди ни стремились создать вокруг себя пространство «воображаемой Франции» (мы упоминали выше о домашних псевдоконцертах Ива Монтана, например), граница у этой «страны мечты» все равно существовала. Именно на нее и указывала наша городская легенда. Она говорила о том, что «воображаемая Франция» недостижима. Все наше, попадая туда, выглядит смешным, а французские киногерои, которыми мы восхищаемся на экране, оказываются «в реальности» снобами, не понимающими трудностей советской жизни. Вспомним негодование, которое у советских граждан вызывал рассказ о предполагаемом поступке Ива Монтана или Жерара Филипа («как они могли! страна только после войны восстановилась»), и какие презрительные реплики и жесты приписывались персонажам легенды (брезгливое поднимание советских трусов двумя пальцами или сомнение в способности «размножаться»).

«Скрытый месседж» нашей городской легенды складывается из двух этих плохо проговариваемых страхов:

(1) мы боимся, что взгляд иностранца увидит в нашей жизни нечто жалкое и будет над нами смеяться, а нам будет стыдно;

(2) мы боимся, что столкновение «нашего» и «их» мира обернется нашим позором.

Однако мы должны понимать, что городская легенда не просто передает это «скрытое послание». Воспроизведение нарратива заставляет рассказчика и слушателей переживать эти эмоции стыда и — часто — негодования снова и снова. И соответственно, еще больше бояться взгляда иностранца, который — о, ужас! — один раз с нами такое уже проделал. Это эффект «положительной обратной связи». Возможно, именно в нем и кроется причина того, что легенда живет до сих пор. Во время работы над книгой «Опасные советские вещи» и над этой статьей мы часто замечали, что реальность описываемых в нашей легенде событий мало у кого вызывает сомнения до сих пор: журналисты и исследователи продолжают ссылаться на нее как на реальный факт. В современном мире — как и раньше — легенда не только отражает наши эмоции и представления, но и способствует их воспроизводству. Услышав от нескольких журналистов историю о выставке советского белья, поданную как исторический факт, современный россиянин может просто посмеяться над нелепыми советскими страхами, а может убедиться в том, что взгляд иностранца небезопасен.

Литература

Архипова, А. С., Кирзюк, А. А. (2020). *Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР*. М.: НЛО.

Балашова, З. (2013, 1 августа). А Вам не стыдно? Однажды я перестала уважать кумира [письмо в редакцию]. *Советская Россия*. Режим доступа: http://www.sovross.ru/articles/945/16010

Бартлетт, Д. (2011). *FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе*. М.: НЛО.

Боженко, Р. (2019, 10 апреля). Трусы счастья. Что показали на выставке советского женского белья? *Аргументы и факты*. Режим доступа: https://aif.ru/culture/freeway/trusy_schastya_chto_pokazali_na_vystavke_sovetskogo_zhenskogo_belya

Гастроли в СССР: Ив Монтан (1957). М., Л., Киев: Госконцерт СССР.

Герман, М. (2006). *Passé composé. Сложное прошедшее*. СПб.: Печатный двор.

Голубев, А. (2018). Западный наблюдатель и западный взгляд в эффективном менеджменте советской субъективности. В А. Пинский (Ред.). *После Сталина: позднесоветская субъективность (1953–1985)*, 219–253. СПб.: Издательство Европейского университета.

Горсач, Э. (2010). Выступление на международной сцене: советские туристы хрущевской эпохи на капиталистическом Западе. *Антропологический форум, 2010*(13), 359–388.

Гурова, О. (2008). *Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью*. М.: НЛО.

Деготь, Е. (2000). *Память тела. Литературный проект для выставки «Память тела. Нижнее белье советской эпохи»*. Режим доступа: http://old.guelman.ru/slava/degot/index.html

Деготь, Е., Демиденко, Ю. (2000). Память тела: нижнее белье советской эпохи. Каталог выставки. М.: Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

Елистратов, В. (2000). Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). М.: Русские словари.

Журавлев, С., Гронов, Ю. (2013). *Мода по плану. История моды и моделирования в СССР*. М.: ИРИ РАН.

Захарова, Л. (2007). Советская мода 1950–1960-х годов: политика, экономика, повседневность. *Теория моды. Специальный номер: Мода и социализм: новый взгляд, 2007*(3), 55–80.

Кирзюк, А. (2018). Сюжет — это симптом? Как фольклористы изучают городские легенды. *Фольклор и антропология города*, *I*(1), 20–43.

Курганская, Н. (2015, 17 июля). «Энциклопедия ГУМа»: Как в Москву 1959 года привезли Christian Dior. *The Village*. Режим доступа: https://www.the-village.ru/village/weekend/books/218349-revzin-gum

Лебина, Н. (2015). *Мужчина и женщина: Тело, мода, культура. СССР — оттепель*. М.: НЛО.

Лякин, В., Петров, П., Рогов, К., Чурсинов, Н. (1963). *Враг не достигнет цели*. Л.: Лениздат.

Мельниченко, М. (2014). *Советский анекдот. Указатель сюжетов*. М.: НЛО.

Мокиенко, В., Никитина, Т. (2007). *Большой словарь русских поговорок*. СПб.

Орлов, И., Попов, А. (2016). *Руссо туристо: Советский выездной туризм. 1955–1991*. М.: ВШЭ.

Орлов, И., Попов, А. (2018). *See USSR! Иностранные туристы и призрак потемкинских деревень*. М.: ВШЭ.

Плунгян, В., Рахилина, Е. (1996). «С чисто русской аккуратностью»: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке. *Московский лингвистический журнал, 2*, 340–351.

Попов, А. (2018). Казус Кости Гуманкова: интерпретации представлений о «чести» и «достоинстве» в советском выездном туризме. *Новое литературное обозрение, 151*(3). Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19753/

Пострелова, Т. (1959). *Выставка сатирических плакатов ленинградских художников «Боевой карандаш». Каталог*. Л.: Художник РСФСР.

Рибейро, Э. (2012). *Мода и мораль*. М.: НЛО.

Рокамора, А. (2017). *Одевая город: Париж, город, медиа*. М.: НЛО.

Середа, С. (2018, 17 сентября). Французский шпион годами фотографировал СССР. КГБ фотографировал его. *Настоящее время*. Режим доступа: https://www.currenttime.tv/a/29483909.html

Твердюкова, Е. (2016). «Лучшее из доступного»: качество потребительского импорта СССР из социалистических стран Центральной и Восточной Европы (1950–1980-е гг.). *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 19*(1), 171–186.

Холландер, П. (2001). *Политические пилигримы. Путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978*. СПб.: Лань.

Хрипун, В. (2001). Некоторые проблемы организации иностранного туризма в Ленинграде в 1950–1960-е годы. *Вестник С.-Петербургского ун-та. Сер. 2 «История»*, 1, 149–157.

Цыбов, С. И., Чистяков, Н. Ф. (1968). *Фронт тайной войны*. М.: Изд-во Министерства Обороны СССР.

Юрчак, А. (2014). *Это было навсегда, пока не кончилось: Последнее советское поколение*. М.: НЛО.

Dundes, A. (1971). On the psychology of legend. In W. Hand (Ed.). *American folk legend: A symposium*, 21–36. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press.

Gilburd, E. (2018). *To see Paris and die: The Soviet lives of Western culture*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.

Kapferer, J.-N. (1987). *Rumeurs. Le plus vieux media du monde*. Paris: Editions du Seuil.

Victor, J. S. (1993). *Satanic panic. The creation of a contemporary legend*. Chicago and La Salle, Illinois: Open Court.

References

Arkhipova, A., Kirziuk, A. (2020). *Dangerous Soviet things: Urban legends and fears in the USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Balashova, Z. (2013, August 1). Are you not ashamed? One day, I stopped respecting the idol. *Sovetskaya Rossiya*. Retrieved from http://www.sovross.ru/articles/945/16010 (In Russian).

Bartlett, D. (2010). *FashionEast: The spectre that haunted socialism*. Cambridge, London: The MIT Press. (In Russian).

Bozhenko, R. (2019, April 10). The underpants of happiness. What did they show at the exhibition of Soviet underwear? *Argumenty i fakty*. Retrieved from https://aif.ru/culture/freeway/trusy_schastya_chto_pokazali_na_vystavke_sovetskogo_zhenskogo_belya (In Russian).

Cybov, S., Chistyakov, N. (1968). *The front lines of a secret war*. Moscow: Izdatelstvo Ministerstva Oborony SSSR. (In Russian).

Degot', E. (2000). *Memory of the body: A writing project project for the exhibition "Memory of the body. Underwear of the Soviet period"*. Retrieved from http://old.guelman.ru/slava/degot/index.html (In Russian).

Degot', E., Demidenko, Yu. (2000). *Memory of the body: Writing project for the exhibition "Memory of the body. Underwear of the Soviet period"*. Moscow: State Museum of the History of St. Petersburg. (In Russian).

Dundes, A. (1971). On the psychology of legend. In W. Hand (Ed.). *American folk legend: A symposium*, 21–36. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press.

Elistratov, V. (2000). *Dictionary of Russian argot (1980–1990)*. Moscow: Russkie slovari. (In Russian).

German, M. (2006). *Passé composé. Complicated past.* St. Petersburg: Pechatnyi dvor. (In Russian).

Gilburd, E. (2018). *To see Paris and die: The Soviet lives of Western culture*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press.

Golubev, A. (2018). Western observer and Western view in affective management of Soviet subjectivity. V A. Pinskii (Ed.). *After Stalin: Late-Soviet subjectivity (1953–1985)*, 219–253. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian).

Gorsuch, A. (2010). Performance on international stage: Soviet tourists in the capitalist West. *Antropologicheskii forum, 2010*(13), 359–388. (In Russian).

Gurova, O. (2008). *Soviet underwear: Between ideology and everyday life*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Hollander, P. (2001). *Political pilgrims: Western intellectuals in search of the good society*. St. Petersburg: Lan'. (In Russian).

Kapferer, J.-N. (1987). *Rumeurs. Le plus vieux media du monde*. Paris: Editions du Seuil. (In French).

Khripun, V. (2001). Some issues of organization of foreign tourism in Leningrad in 1950–1960. *Bulletin of St. Petersburg State University*, *2*, 149–157. (In Russian).

Kirziuk, A. (2018). Is plot a symptom? How folklorists study urban legends. *Urban Folklore & Anthropology*, *I*(1), 20–43. (In Russian).

Kurganskaya, N. (2015, July 17). "Encyclopedia of GUM": How they brought Christian Dior to 1959 Moscow. *The Village*. Retrieved from https://www.the-village.ru/village/weekend/books/218349-revzin-gum (In Russian).

Lebina, N. (2015). *Man and woman: Body, fashion and culture of the USSR in the Thaw Era*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Lyakin, V., Petrov, P., Rogov, K., Chursinov, N. (1963). *The enemy will not prevail*. Leningrad: Lenizdat. (In Russian).

Melnichenko, M. (2014). *The Soviet joke. Index*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Mokienko V., Nikitina T. (2007). *Big dictionary of Russian proverbs*. St. Petersburg. (In Russian).

Orlov, I., Popov, A. (2016). *Russo turisto: The Soviet outbound tourism. 1955–1991*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russian).

Orlov, I., Popov, A. (2018). *See the USSR! Foreign tourists and the ghost of Potemkin villages*. Moscow: Higher School of Economics. (In Russian).

Plungyan, V., Rahilina, E. (1996). "With purely Russian accuracy": About reflection of some stereotypes in language. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal, 2*, 340–351. (In Russian).

Popov, A. (2018). The case of Kostya Gumankov: The notions of "honor" and "dignity" in Soviet outbound tourism. *The New Literary Observer, 151*(3). Retrieved from https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/151/article/19753/ (In Russian).

Postrelova, T. (1959). *The exhibition of satirical posters "The fighting pencil": The catalogue*. Leningrad: Hudozhnik RSFSR. (In Russian).

Ribeiro, A. (2012). *Dress and morality*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Rocamora, A. (2017). *Fashioning the city: Paris, fashion and the media*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Sereda, S. (2018, September 17). A French spy took photos of the USSR. The KGB took photos of him. *Nastoyashchee vremya*. Retrieved from https://www.currenttime.tv/a/29483909.html (In Russian).

Tours to the USSR: Yves Montand (1957). Moscow, Leningrad, Kiev: State Concert of the USSR. (In Russian).

Tverdyukova, E. (2016). The best of the available: Quality of imports from Eastern European countries. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana, 19*(1), 171–186. (In Russian).

Victor, J. S. (1993). *Satanic panic. The creation of a contemporary legend*. Chicago and La Salle, Illinois: Open Court.

Yurchak, A. (2014). *Everything was forever, until it was no more: The last Soviet generation*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Zaharova, L. (2007). Soviet fashion in the 1950s–1960s: Politics, economics and everyday life. *Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture. Special Issue: Fashion and Socialism: A New Look*, *2007*(3), 55–80.

Zhuravlev, S., Gronov, Yu. (2013). *Planned fashion. History of Soviet fashion and modeling*. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. (In Russian).